

В.К. ЛАНЧИКОВ

ЗЕВГМА КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

На ранних этапах своего существования лингвистическая теория перевода столкнулась с необходимостью выполнить столько задач и осветить такой круг тем, что углубленное изучение каждого из этих вопросов представлялось трудноосуществимым. Если при этом учесть прикладной характер переводоведения, понятно, почему в этих условиях некоторые переводческие закономерности получили лингвистическое обоснование лишь в той мере, в какой это было необходимо для выработки практических рекомендаций переводчикам. Однако факты говорят о том, что без более пристального рассмотрения лингвистических основ предложенные рекомендации могут превратиться в догмы, не учитывающие многообразие переводческой практики. Поэтому подчас новое обращение к темам, которые, казалось бы, уже получили в переводоведении достаточное освещение, вызвано не косностью лингвистического подхода, не исчерпанностью заданной им тематики или неспособностью вырваться из раз и навсегда очерченного круга тем, а необходимостью дать более обстоятельные и гибкие рекомендации практикам. Так, исследования Е. Н. Мешалкиной [12], А. И. Шеина [18] и М. А. Яковлевой [19] позволили по-новому взглянуть на такие, казалось бы, детально описанные явления, как историческая стилизация, конкретизация и компенсация при переводе.

К числу таких «закрытых» тем относится и вопрос о передаче при переводе такого стилистического приема, как зевгма. Изучение функционирования этого приема в русском (далее – РЯ) и английском (далее – АЯ) языках важно не только как материал для практических выводов, но и как часть более широкого вопроса – вопроса о соотношении некоторых особенностей синтаксиса АЯ и РЯ.

Пожалуй, подробнее всего указанная тема рассмотрена в работах Т. Р. Левицкой и А. М. Фитерман. В последующих переводоведческих работах закрепились именно то понимание зевгмы, которое предложено этими авторами. Т.Р. Левицкая и А.М. Фитерман определяют зевгму следующим образом: «Этот прием заключается в том, что два или более однородных члена выступают в качестве дополнения при одном глаголе, с которым они одновременно не могут сочетаться парадигматически. <...> Эффект этого приема заключается в столкновении двух значений глагола – прямого и переносного, свободного и лексически связанного» [8, с.124]. Что касается передачи этого приема при переводе, авторы отмечают, что «зевгма не всегда легко переводима. Это объясняется целым рядом причин: различными нормами сочетаемости, несовпадением прямых и переносных значений глаголов в двух языках, различием лексических элементов фразеологизмов» [8, с.125]. Подчеркивая распространенность зевгмы в англоязычной литературе, авторы указывают на то, что «в русском языке она встречается гораздо реже и используется обычно в юмористических целях или в переводе» [8, с.126]. Первое утверждение совпадает с наблюдением И. Р. Гальперина: «Такие приемы, как зевгма, оксюморон, разложение фразеологических единиц, игра словами – довольно редкое явление на страницах русских писателей XIX–XX вв.» [4, с. 157].

Казалось бы, из этих наблюдений следует вывод о том, что передача зевгмы при переводе ограничена в силу не только грамматических и семантических, но и стилистических расхождений, однако упомянутые исследователи от такого вывода воздерживаются. В среде же переводчиков-практиков взгляд на зевгму (в приведенном толковании) как на явление, чуждое стилистике русской художественной литературы, получил определенное распространение и лег в основу практических рекомендаций. Приведем характерный пример: «Существует такой прием – сознательное расчленение и сращивание словосочетаний, на этом во многом строится английский юмор (доста-

точно вспомнить Уайльда, Шоу, Моэма). В русском языке такой прием тоже встречается: “Евсей прочно занял место и за печкой, и в сердце Аграфены”. Один и тот же глагол у Лескова объединяет два разнохарактерных сочетания. Но прием этот не столь част, поэтому прибегать к нему (в переводе – В.Л.) нужно с необходимой осторожностью, соблюдая столь необходимое нам (и порой столь недоступное) чувство меры» [2, с. 95]. Ср.: «В русском языке употребление зевгмы не является литературной нормой и встречается крайне редко <...> В связи с этим, а также учитывая незначительную экспрессивность этого приема в английском языке, зевгма, как правило, на русский язык не передается» [6, с. 163–164].

Для выработки более конкретных и корректных переводческих рекомендаций следует более точно определить сущность описываемого приема. Для этого необходимо начать с уточнения термина.

Как явствует из приведенного определения Т. Р. Левицкой и А. М. Фитерман, они относят к зевгме исключительно те случаи, когда однородные члены являются дополнениями при одном глаголе. Такое понимание представляется слишком узким. Термин «зевгма» возник еще в античное время. В «Стихах о фигурах красноречия» неизвестного латинского автора (по датировке М. Л. Гаспарова – IV в. н.э.) фигуре «зевгма» («связка») дается такое определение:

«В *связке* несколько слов единым связаны словом:

“Эбал мечом, Ликон бьется копьем, а Педасим стрелою” –

Здесь относится “бьет” и к первым словам, и к последним» [16, с. 441].

В «Литературной энциклопедии» 1929–1939 гг. «зевгма» определяется как «термин античной стилистики. З. в широком смысле античные грамматики называли такие обороты речи, когда какое-нибудь слово, чаще сказуемое, к-рое должно быть повторено два или несколько раз, ставится один раз, а в других местах лишь подразумевается. В пример приводили такую фразу: “Союзникам я объявляю, чтобы они взяли за оружие и что следует вести

войну” (подразумевается – я объявляю). В более узком смысле под термином З. разумели повторение слова, напр. глагола, поставленного один раз, в дальнейшем не в том же, а в близком значении – указывали пример из одной трагедии Еврипида: “Большинству из нас показалось, что он говорит правильно, и охотиться для жертвы богине” (разумеется, не “показалось”, а “мы решили”). З. иногда рассматривалась как риторическая фигура, напр. в такой фразе: “Стыдливость победила страсть, страх – дерзость, рассудительность – безумие” (повторяются приблизительно одинаковые отрезки речи, члены, параллельно построенные). К З. близка фигура силлепсиса» [10, с. 367].

В свою очередь, «силлепсис» получает в этом же издании такое определение: «Термин античной стилистики, обозначающий соединение одного сказуемого с несколькими подлежащими. Ср.:

“Лежали на окне Бова и Еруслан,

Несчастный Никанор, чувствительный роман,

Смерть Роллы, Арфаксад, Русалка, Дева Солнца...” (В. Пушкин, “Опасный сосед”).

Комический эффект, часто присущий этой фигуре, достигается (как напр. в приведенном стихе) недостаточной согласованностью сказуемого со всеми подлежащими (лежали Бова, Еруслан... Смерть). В сущности силлепсис является частным случаем так наз. *зевгмы* <...> Ср. “Положи меня как печать на сердце твое, и как перстень – на руке твоей”¹. При семантическом различии морфологически сходных членов предложения фигура эта производит комический эффект установлением глубокого смыслового различия на первый взгляд тождественных грамматических конструкций. Ср.: “Шли два студента: один – в пальто, другой – в университет”). Однако комический эффект зевгмы и С., как показывает пример из “Песни песней”, не обязателен;

¹ Цитируется (без указания источника) библейская Песнь Песней Соломона в Синодальном переводе (8, 6). Ср. современный перевод И. Дьяконовой: «Положи меня печатью на сердце, печатью на руку». Для темы этой статьи представляет интерес перевод этого стиха в Библии короля Якова (1611), считающейся полноправным памятником английской литературы: «Set me as a seal upon thine heart, as a seal upon thine arm».

так Б. Пастернак широко пользуется этими стилистическими фигурами в своей лирике. Ср.:

“Но бросьтесь, будьте так добры
Не врозь, так в реку...”» [11, с.463].

Таким образом, более точным обозначением приема, привлекшего внимание переводоведов, будет не зевгма а лишь ее частный случай – силлепсис. В.П. Москвин обозначает рассматриваемый прием термином «каламбурная зевгма» и поясняет, что три понятия – зевгма, силлепсис и каламбурная зевгма – соотносятся так: «Зевгма объединяет перечисленные однородные понятия b, c, d общим членом по формуле $a(b+c+d)$, силлепсис просто перечисляет разнородные понятия b, y, ψ по формуле $b+y+\psi\dots$, а К.з. объединяет перечисляемые разнородные понятия общим членом по формуле $a(b+y+\psi\dots)$ » [13, с. 127]. Однако, поскольку характер синтаксической связи общего члена с однородными не уточняется, различие между каламбурной зевгмой и силлепсисом выглядит не вполне понятно: в структуре всякого высказывания однородные члены неизбежно вступают в отношения с неким общим членом.

Чтобы яснее разобраться в соотношении упомянутых приемов в АЯ и РЯ, в дальнейшем мы будем понимать под зевгмой «разновидность эллиптической конструкции $\langle \dots \rangle$, где общий для всех член предложения употребляется только один раз» [7, с.19], а под силлепсисом – сочетание семантически разнородных лексических единиц, соединенных как однородные члены и относящихся к одному общему члену.

Таким образом, дифференцирующими признаками для этих категорий будут: 1) механизм стилистического воздействия, обусловленный семантической однородностью или неоднородностью и 2) коммуникативный эффект. Эта дифференциация категорий позволяет уточнить и утверждение о том, что для АЯ зевгма характерна в большей степени, чем для РЯ.

Что касается первого признака, то уже из определений зевгмы и силлепсиса же следует, что механизм воздействия зевгмы сближает ее с эллиптиче-

скими конструкциями, тогда как силлепсис сближается с каламбуром (общий член употребляется одновременно в нескольких значениях, каждое из которых задано одной из лексических единиц, соединенных как однородные члены). Соответственно использование зевгмы придает высказыванию динамичность, лаконизм, создает «впечатление поспешности и деловитости» [13, с.228], использование же силлепсиса служит в основном для создания комического эффекта (хотя комизм может принимать иногда мрачную окраску. Ср.: «Мы расстались; я отправился в NN, а он на тот свет» – А. И. Герцен, «Кто виноват?»).

Возможности использования зевгмы и силлепсиса – и, соответственно, частотность этих приемов – обусловлены синтаксическими особенностями каждого из рассматриваемых языков. Одной из таких особенностей АЯ является отмечающаяся многими исследователями тенденция к имплицитной предикативности, которая обусловлена аналитическим характером АЯ (см., напр., [14]). Эта тенденция выражается, в частности, в синтаксической компрессии, которую, по словам Т. Р. Левицкой и А. М. Фитерман, «можно рассматривать как характерное для английского языка явление, особенно проявляющееся при сопоставлении двух данных языков (английского и русского – В.Л.)» [9, с.51]. Отсюда и бóльшая распространенность зевгмы, выступающей как средство компрессии, в АЯ.

При этом надо учесть, что, как отмечает М. А. Аполлова, «Большей краткости высказывания (в английском языке – В.Л.) способствует также возможность соединения семантически несоединимых понятий» [1, с.123]. Таким образом, граница между зевгмой и силлепсисом в АЯ несколько размывается. Однако важно иметь в виду, что эта особенность присуща именно АЯ и на взгляд носителя РЯ подобные случаи компрессии будут восприниматься либо как стилистическая погрешность¹ либо как силлепсис, а значит,

¹ «К ошибкам первого рода следует отнести прежде всего соединение в качестве однородных членов вещественно неоднородных (несопоставимых) понятий, например: изучать математику и сорта грибов; интерес к истории и к футболу (порознь каждое дополнение сочетается с управляемым словом, но между собой они не

сохранение этой особенности в переводе создаст не тот коммуникативный эффект, который предполагался в оригинале. Примером может служить следующий случай:

«Taking advantage of the lifting of restrictions on travel into the West during Czechoslovakia's reformist period of 1968, Petr Skrabanek was on a camping holiday in Ireland with his wife when the Russian tanks rolled into Prague. Despite only *having two rucksacks, a small tent and very little English* they decided to stay» («The Times», June 27, 1994).

Если задаться целью сохранить зевгму в переводе, то перевод последней фразы мог бы выглядеть так: «Несмотря на то, что *их багаж (два рюкзака и маленькая палатка) и познания в английском языке были весьма скудны*, супруги решили остаться в Англии»¹. Однако при таком переводе высказывание приобретает шуточный тон, не вписывающийся в жанр текста, из которого заимствован этот отрывок (некролог). Поэтому в данном случае отказ от сохранения синтаксического явления, которое в оригинале является зевгмой, а в переводе превратится в силлепсис, будет вызван не столько невозможностью передать это явление, сколько необходимостью избежать искажения коммуникативного намерения автора. Возможный вариант перевода: «Хотя в эту поездку супруги взяли с собой только два рюкзака и маленькую палатку, а английским языком они владели не очень хорошо, они все же решили остаться в Англии».

Той же логикой следует руководствоваться при переводе предложения, где используется тот же прием:

«Peter Jay *was on the bus* back to his home near Oxford *and in a relaxed and jovial mood* after a successful day in London» («The Times», Feb. 7, 2005).

Хотя вариант перевода с сохранением зевгмы в данном случае также возможен («Питер Джей, живший недалеко от Оксфорда, возвращался домой

имеют ничего общего по смыслу). В художественной литературе иногда встречаются отступления от этого положения, имеющие характер специального стилистического задания (индивидуализация речи рассказчика или персонажа, создание комического эффекта, усиление экспрессивности и т.д.)» [17, с. 293].

¹ Здесь и далее (кроме оговоренных случаев) перевод автора статьи.

в автобусе и в легком, радостном настроении»), при таком решении использованная в оригинале зевгма воспринималась бы носителем РЯ как силлепсис и создавала бы в переводе не предусмотренный автором комический эффект. Возможный перевод: «Питер Джей, живший недалеко от Оксфорда, возвращался домой автобусом. Настроение у него было легкое, радостное: день в Лондоне выдался удачный».

Как видно из приведенных примеров, отказ от передачи приема при переводе выражается в развертывании предикации, при котором высказывание часто утрачивает лаконизм, но эта утрата представляется меньшим ущербом, чем создание иного, чем в оригинале коммуникативного эффекта.

Таким образом, зевгма – в предложенном здесь толковании этого термина – в силу синтаксических особенностей рассматриваемых языков действительно получила большее распространение в АЯ, чем в РЯ. Что касается силлепсиса, то мнение о том, что он больше характерен для англоязычной литературы, чем для русской, опирается лишь на разрозненные наблюдения и не подкреплено статистическими данными. Между тем можно привести немало случаев использования силлепсиса в русской классической литературе XIX в. Вот лишь некоторые примеры:

«Не плачь, красавица, слезами

Кручине злой не пособить!

Клянуся честью и усами

Любви не изменить» (К. Н. Батюшков, «Разлука»).

«<...> Колдун, колдуньей ободренный,

Развеселясь, решился вновь

Нести к ногам девицы пленной

Усы, покорность и любовь» (А. С. Пушкин, «Руслан и Людмила»).

«При сем известии путешественник *возвысил было голос и нагайку*» (А. С. Пушкин, «Станционный смотритель»).

«Все они пали жертвой *любви к ветчине и отчизне*» (В. А. Жуковский, «Война мышей и лягушек»).

«Предпослав целый воз роскошных цветов именинице, Марья Андреевна *явилась и с дочерью и с извинениями*» (А. Ф. Вельтман, «Счастье-несчастье»).

«Четырнадцать лет, *воспитанный природой и французженкой*, жившей у его сестры, Негров был записан в кавалерийский полк». (А. И. Герцен, «Кто виноват?»).

«Отец Алексей <...> *щеголял шёлковой рясой и возвышенным образом мыслей*». ¹ (М.Е. Салтыков-Щедрин, «Благонамеренные речи»)

«Лев Савич Турманов, дюжинный обыватель, *имеющий капиталец, молодую жену и солидную плешь*, как-то играл на именинах у приятеля в винт». (А. П. Чехов, «Мечь»).

В рамках нашей темы стоит сослаться и на содержательную статью С. Нонаки о многочисленных случаях использования силлепсиса в романе А. Платонова «Котлован» и передаче этого приема при переводе романа на другие языки [15].

¹ Ср. синтаксически и семантически сходный механизм создания силлепсиса в следующем примере: «Bengt Westerberg, the Liberal party leader, is the nice guy of Swedish politics *with home-knitted wooly jumpers and progressive views on human rights* that sometimes put him to the left of the Social Democrats» («The Guardian», Sept. 14, 1991).

Если согласиться с тем, что силлепсис (в отличие от зевгмы) играет в русской литературной традиции не менее значительную роль, чем в англоязычной, то единственным ограничением на воспроизведение этого приема в переводе станут причины не стилистического, а лексико-грамматического свойства – в первую очередь, нормы сочетаемости РЯ. Для преодоления таких ограничений переводчикам приходится часто прибегать к частичной компенсации. Характерный пример – отрывок из рассказа О. Генри «Between Rounds» («В антракте») и его перевод, выполненный Н. Л. Дарузес:

«Spring was in its heyday, with hay fever soon to follow. The parks were green with new leaves and buyers for the Western and Southern trade. Flowers and summer-resort agents were blowing; the air and answers to Lawson¹ were growing milder; hand-organs, fountains and pinochle were playing everywhere.»

«Лихорадка весны была в полном разгаре, а за ней должна была последовать сенная лихорадка. В парках *показались молодые листочки и закупищики из западных и южных штатов*. Расцветали цветы, и процветали курортные агенты; *воздух и судебные приговоры становились мягче*; везде играли шарманки, фонтаны и картежники».

Примечательно, что переводчица использует средства компенсации, основанные на том же механизме воздействия, что и силлепсис. Выше уже говорилось, что силлепсис по своему устройству и характеру воздействия сближается с каламбуром. В приведенном переводе также применены каламбуроподобные приемы: использование слова в прямом и переносном значении в одном высказывании (*лихорадка весны – сенная лихорадка*), однокоренных слов, где в одном случае реализуется прямое значение корня, а в другом – переносное (*расцветали – процветали*). При воспроизведении силлепсиса переводчица для достижения естественности идет на замену элементов высказывания (*answers to Lawson – судебные приговоры*).

¹ По всей видимости, имеется в виду владелец газеты «Чикаго Дейли Ньюс» В. Ф. Лоусон (1850–1925)

Последнее обстоятельство не принято во внимание в следующем переводе:

«But the Mole *was very full of lunch, and self-satisfaction, and pride*, and already quite at home in a boat (so he thought)» (К. Grahame, «The Wind in the Willows»).

«А Крот *был весь полон едой, удовольствием и гордостью* и чувствовал себя в лодке как дома (так ему, во всяком случае, казалось)» (Перевод И. Токмаковой).

Неузуальность сочетаний «полон едой», «полон удовольствием», «полон гордостью» (вместо употребительного «полон гордости») приводит к тому, что каждый из однородных членов не согласуется с общим членом, в результате чего естественность приема в переводе утрачивается (отметим также неточность перевода *self-satisfaction* как *удовольствие*). Более приемлемым представляется вариант: «А Крот, *довольный сам собой и плотным завтраком...*». Ср.: «И рогоносец величавый, /*Всегда довольный сам собой, / Своим обедом и женой*» (А. С. Пушкин, «Евгений Онегин»). В предложенном варианте осуществляется перераспределение семантических компонентов в соответствии с узуальной в РЯ грамматической структурой. Тот же принцип лежит в основе следующего перевода, где силлепсис также был передан за счет грамматической перестройки:

«And now must come swift action, for we have here some four thousand words and not a tear shed and *never a pistol, joke, safe, nor a bottle cracked*» (O. Henry, «A Night in New Arabia»).

«А теперь нам надо побыстрее развернуть действие, ибо в нашем рассказе имеется уже четыре тысячи слов, но еще *ни одной пролитой слезы или вскрытого сейфа, ни одного выстрела или разбитой о чужую голову бутылки*» («Новая сказка из “Тысячи и одной ночи”», пер. О. П. Холмской).

Обращает на себя внимание иная, чем в оригинале, группировка объединяемых как однородные члены слов (*слезы или сейфа, выстрела или бутылки*), что можно расценивать как компенсацию за изменение общего члена (*cracked*) в оригинале.

И. Р. Гальперин сближает зевгму (в его трактовке силлепсис и зевгма не разделяются) с другим приемом – актуализацией фразеологических единиц. Если один из однородных членов образует с общим членом фразеологизм, то благодаря наличию иного типа отношений между общим членом и вторым однородным членом этот фразеологизм подвергается разложению и начинает осознаваться как свободное сочетание. «Немотивированность сращения, таким образом, предстает перед читателем во всей своей логической несуразности. Неожиданность столкновения привычного употребления фразеологического сращения и “навязанного” ему контекстом буквального значения и создает юмористический эффект» [4, с. 156].

Использование фразеологизмов при передаче силлепсиса в переводе (даже в тех случаях, когда в оригинале материалом для создания силлепсиса служили свободные сочетания) усиливает естественность приема. Сравним два перевода одного высказывания:

«*Fate and the Government of India have turned the Station of Kashima into a prison*» (R. Kipling, «A Wayside Comedy»).

а) «*Рок и правительство Индии превратили пост Кашиму в тюрьму*» («Захолустная комедия», пер. М. Клягиной-Кондратьевой).

б) «*Волею судьбы и правительства Индии пост Кашима оказался сущей тюрьмой*».

Благодаря введению фразеологизма *волею судьбы* во втором варианте удается достичь нужного коммуникативного эффекта при помощи того механизма, который описал И. Р. Гальперин. Дополнительным достоинством

такого решения будет то, что оно позволяет произвести синтаксическую перестройку, вследствие чего в переводе можно обойтись без использования подлежащего с обстоятельственным значением, которые в русском языке «являются зачастую признаком официально-делового и научного стилей» или «могут придать тексту книжно-архаическую окраску» [2, с. 24].

Приведенные здесь наблюдения и факты показывают, что вопрос о передаче зевгматических конструкций при переводе далеко не исчерпан. Дальнейшее его изучение может вестись с учетом таких аспектов, как характер связи между общим и однородными членами, место зевгматической конструкции в синтаксической структуре высказывания, различия в представлениях о семантической разнородности у носителей АЯ и РЯ (последний аспект позволит более четко разграничить зевгму в широком смысле и силлепсис) и др. Хотя затронутый в статье вопрос может показаться сугубо частным, он представляет интерес и как часть более широкой темы – соотношение свернутой и развернутой предикации в АЯ и РЯ и связанные с этим закономерности синтаксических преобразований при переводе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аполлова М. А.* Specific English (Грамматические трудности перевода). – М.: Междунар. отношения, 1977. – 136 с.
2. *Багров И.А.* Язык мой – враг? – М.: Объединение «Всероссийский молодежный центр», 1990. – 127 с.
3. *Бузаджи Д. М.* Структуры и связи. Еще раз о роли синтаксиса в переводе // Мосты № 2(18), 2008. – С. 21-31.
4. *Гальперин И. Р.* Очерки по стилистике английского языка. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 460 с.
5. *Есперсен О.* Философия грамматики. – М.: Издательство иностранной литературы, 1958. – 408 с.

6. *Комиссаров В. Н., Рецкер Я. И., Тархов В. И.* Пособие по переводу с английского языка на русский. Часть II. Грамматические и жанрово-прагматические основы перевода. – М.: Высшая школа, 1965. – 287 с.
7. *Лагута О. Н.* Учебный словарь стилистических терминов. Практические задания. Часть 1. Учебно-методическое пособие. – Новосибирск: Новосибирский госуниверситет, 1999. – 71 с.
8. *Левицкая Т. Р., Фитерман А. М.* Проблемы перевода. – М.: Междунар. отношения, 1976. – 208 с.
9. *Левицкая Т. Р., Фитерман А. М.* Компрессия в английском языке и ее передача в переводе // Тетради переводчика – Вып. 16. – М.: Междунар. отношения, 1979. – С. 51-64.
10. Литературная энциклопедия: В 11 т. – Т. 4. – М.: Изд-во Ком. Акад., 1930. – 716 стб.
11. Литературная энциклопедия: В 11 т. – Т. 11. – М.: Худож. лит., 1939. – 842 стб.
12. *Мешалкина Е. Н.* Стратегии исторической стилизации в художественном переводе (на материале англоязычной художественной литературы XVIII–XX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: 2008. – 24 с.
13. *Москвин В. П.* Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь. – М.: ЛЕНАНД, 2006. – 376 с.
14. *Николаевская Р. Р.* Компрессия текста при переводе на английский язык как отражение тенденции к имплицитной предикативности в современном английском языке // Перевод и дискурс. – М.: Вестник МГЛУ, вып. 463, 2002. – С. 84–87.
15. *Нонака С.* Силлепсис в «Котловане» // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы – Кн. 3. – СПб.: Наука, 2004. – С. 378–398.
16. Поздняя латинская поэзия. – М.: Худож. лит, 1982. – 719 с.

17. *Розенталь Д. Э.* Практическая стилистика русского языка – М.: Высшая школа, 1974. – 352 с.
18. *Шеин А. И.* Типология гипонимических преобразований при переводе с английского языка на русский: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: 2009. – 24 с.
19. *Яковлева М. А.* Компенсация при передаче стилистически сниженных высказываний на разных уровнях текста.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: 2008. – 24 с.